

Куан Цзюньли, магистрант,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
Kuang Junli,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

**СИНО-РОССИЙСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»: СТРУКТУРНЫЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
SINO-RUSSIAN INVESTMENT COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE "BELT AND ROAD" INITIATIVE: STRUCTURAL
CONSTRAINTS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

Аннотация. Анализируется разрыв между ростом торговли (240,1 млрд долл., 2023) и низким уровнем китайских ПИИ в России (10,63 млрд долл., 2022). Выявлены ключевые ограничения: институциональные барьеры, финансовая фрагментация, концентрация в ТЭК. Обоснована необходимость диверсификации и улучшения инвестиционного климата.

Abstract. The article examines the gap between China-Russia trade growth (\$240.1B, 2023) and low Chinese FDI in Russia (\$10.63B, 2022). Key constraints include institutional barriers, financial fragmentation, and energy sector concentration. The need for investment diversification and institutional improvements is substantiated.

Ключевые слова: Китай, Россия, прямые иностранные инвестиции, «Пояс и путь», институциональная среда, санкции.

Keywords: China, Russia, foreign direct investment, Belt and Road Initiative, institutional environment, sanctions.

1. Введение

Инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI), выдвинутая КНР в 2013 г., представляет собой масштабную программу международного инфраструктурного и инвестиционного сотрудничества, охватывающую более 140 государств. Применительно к России BRI реализуется прежде всего через энергетические мегапроекты, транспортно-логистические коридоры и торговые соглашения. Инициатива существенно углубила экономическое взаимодействие двух стран. Кульминацией торговой кооперации стал 2023 год, когда, согласно данным Главного таможенного управления КНР, объём двусторонней торговли достиг исторического максимума в 240,1 млрд долл. США, что свидетельствует о высокой степени комплементарности экономик [1]. Однако торговый бум не сопровождается сопоставимым по масштабам потоком прямых иностранных инвестиций. Согласно Статистическому бюллетеню прямых зарубежных инвестиций Китая, накопленный объём китайских ПИИ в России по итогам 2022 г. составил 10,63 млрд долл. США, что составляет лишь 0,39% от общего зарубежного инвестиционного портфеля КНР и явно диссонирует со статусом России как одного из крупнейших торговых партнёров [2].

2. Методология

Исследование основано на сочетании качественного анализа и метода кейс-стади. Теоретической рамкой служит эклектическая парадигма OLI Дж. Даннинга, позволяющая структурировать факторы инвестиционного поведения транснациональных компаний. Эмпирическая база включает официальную статистику Главного таможенного управления КНР, Министерства коммерции КНР, Банка России, а также доклады международных

организаций. Хронологические рамки- 2013-2024 гг., с акцентом на период после 2022 г. как качественно новый этап двусторонних отношений.

3. Теоретическая рамка: парадигма OLI

Данное расхождение целесообразно анализировать сквозь призму эклектической парадигмы OLI Дж. Даннинга, согласно которой инвестиционные решения определяются преимуществами собственности (O- Ownership), размещения (L- Location) и интернализации (I- Internalisation) [3]. С позиций O-преимуществ, китайские компании располагают конкурентными технологиями в цифровой сфере, строительстве и управлении проектами. L-преимущества России очевидны: богатая ресурсная база, ёмкий потребительский рынок и уникальный транзитный потенциал. Вместе с тем реализация этих предпосылок блокируется низким качеством I-условий: непрозрачность регулирования, непредсказуемость правоприменительной практики и высокий уровень административного бремени формируют «институциональный разрыв», способный нивелировать выгоды от факторов O и L [4].

4. Структурные ограничения

4.1. Отраслевая концентрация в ТЭК

Энергетический сектор выступает наглядной иллюстрацией дуализма сотрудничества. Мегaproекты «Сила Сибири» и «Ямал СПГ» подтверждают способность сторон к стратегическому взаимодействию при государственной поддержке. Вместе с тем именно доминирование государства и суверенных фондов в финансировании привело к тому, что прямые инвестиции носят узкоотраслевой характер: объём китайских вложений в добывающий сектор вырос с 796,0 млн долл. в 2014 г. до 6 215,3 млн долл. в 2024 г., тогда как доля обрабатывающей промышленности сократилась с 30% до 12,2%, что свидетельствует об устойчивом доминировании сырьевого сектора в структуре инвестиционного портфеля [5]. Ограниченное участие частных и венчурных инвесторов сдерживает диверсификацию и консервирует сырьевую модель, противоречащую декларируемой задаче перехода к высокотехнологичному сотрудничеству.

4.2. Финансовая фрагментация и санкционные риски

Под финансовой фрагментацией в настоящей работе понимается разобщённость платёжных, кредитных и расчётных механизмов двух стран, препятствующая свободному трансграничному движению капитала. Существенное усиление санкционного давления на Россию в 2022 г. кардинально изменило ландшафт инвестиционных рисков и механизмов расчётов. Хотя форсированный переход на национальные валюты во взаимных расчётах (доля юаня и рубля превысила 90%) способствовал снижению санкционной уязвимости и повышению финансовой автономии, он одновременно сопряжён с рядом негативных эффектов. Согласно обзору Банка России, для валютного рынка юань/рубль характерны повышенная волатильность, расширение спредов и периодическая недостаточность глубины ликвидности, что транслируется в рост транзакционных издержек для инвесторов [6]. Комплаенс-риски вторичных санкций вынуждают китайские финансовые институты проявлять избыточную осторожность, дополнительно сужая каналы для инвестиционных и кредитных потоков.

4.3. Институциональные и межрегиональные диспропорции

Институциональные ограничения на федеральном уровне усугубляются межрегиональными диспропорциями. Правовая неопределённость на уровне субъектов Федерации, существенные различия в административных регламентах и неразвитость механизмов государственно-частного партнёрства на местах делают малые и средние инвестиционные проекты труднореализуемыми [4]. Естественным следствием становится концентрация активности на ограниченном пуле крупных государственных инициатив, тогда как диверсифицированный приток частного капитала стагнирует.

5. Новые точки роста

Санкционные реалии и переориентация российских транспортно-логистических потоков открывают окно возможностей в секторах, ранее не являвшихся приоритетными.

Во-первых, цифровая инфраструктура и связь: прокладка трансграничных волоконно-оптических линий, строительство центров обработки данных, локализация производства телекоммуникационного оборудования. Россия испытывает острый дефицит иностранных технологических инвестиций после ухода западных игроков, что формирует устойчивый спрос на китайские решения в данном сегменте.

Во-вторых, транспортная логистика и коридоры: модернизация Восточного полигона железных дорог, развитие Северного морского пути как альтернативной артерии «Ледяного шёлкового пути», создание мультимодальных транспортно-логистических центров в Сибири и на Дальнем Востоке.

В-третьих, возобновляемая энергетика и «зелёные» технологии: совместные проекты в области водородной энергетики, ветровой и солнечной генерации на Дальнем Востоке, производство накопителей энергии. Китай располагает ведущими в мире производственными компетенциями в секторе ВИЭ, что делает его естественным партнёром для реализации российских «зелёных» проектов.

Данные направления менее капиталоемки по сравнению с топливно-энергетическим комплексом, но обладают высоким мультипликативным эффектом и значительным экспортным потенциалом.

6. Политические рекомендации

Для использования указанных возможностей необходима целенаправленная политика по устранению институциональных трений. В качестве первоочередных мер предлагаются следующие. Во-первых, создание специализированной двусторонней инвестиционной комиссии с мандатом на оперативное разрешение споров и мониторинг реализации проектов - данная мера адресует наиболее острый институциональный разрыв. Во-вторых, гармонизация стандартов бухгалтерского учёта и оценки рисков в целях снижения информационной асимметрии. В-третьих, расширение практики страхования политических рисков для частных проектов через механизмы АПВ и ШОС. В-четвёртых, формирование совместных фондов прямых инвестиций с участием частного акционерного капитала как инструмента диверсификации.

7. Заключение

Текущая модель китайско-российского инвестиционного сотрудничества характеризуется фундаментальным дисбалансом: политический импульс и торговая взаимодополняемость не трансформируются в устойчивый диверсифицированный приток ПИИ. Анализ в рамках парадигмы OLI показывает, что при наличии выраженных O- и L-преимуществ реализующим фактором и одновременно ключевым узким местом выступают I-условия: институциональное качество принимающей среды является приоритетным ограничением, устранение которого создаёт предпосылки для снятия остальных барьеров. Развитие новых точек роста в инфраструктуре, логистике и «зелёной» энергетике способно снизить отраслевые перекосы, однако его устойчивость напрямую зависит от способности государств предложить инвесторам предсказуемую, прозрачную и защищённую правовую среду.

Список литературы:

1. Главное таможенное управление КНР. Таможенная статистика КНР за 2023 год. - Пекин: ГТУ КНР, 2024.
2. Министерство коммерции КНР, Национальное бюро статистики, Государственное управление по валютному контролю. Статистический бюллетень прямых зарубежных инвестиций Китая за 2022 год. - Пекин: Изд-во коммерции, 2023.

3. Dunning J. H. Toward an Eclectic Theory of International Production: Some Empirical Tests // Journal of International Business Studies. - 1980. - Vol. 11, No. 1. - P. 9-31.

4. Всемирный банк. Российская Федерация: Доклад об экономике. Специальная тема: Инвестиционный климат и структурные преобразования.- Вашингтон: Группа Всемирного банка, 2021. -№ 45.

5. Zhirikov V. Analysis of the sectoral structure of foreign direct investment between the Russian federation and the People's Republic of China // BRICS Journal of Economics. -2025.- Vol. 6, No. 3.- P. 31-45. DOI: 10.3897/brics-econ.6. e 145598.

6. Банк России. Обзор рисков финансовых рынков: IV квартал 2023 - I квартал 2024 гг. - Москва: Банк России, 2024.

